

отмеченные научным сообществом за особые заслуги в науке, собравшись вместе и поняв, что им не надо отвлекаться на хозяйдачки и инвестпроекты, начнут производить оценку научных направлений и предлагать решения... Так это прописано в Законе.

...РАН занимается работой, которая необходима для формирования научно-технической политики. В отличие от текущих научных работ, которые ведутся в институтах, где ... академики работают директорами, научными сотрудниками, консультантами. Там они могут реализовать себя как ученые в определенной тематике. В Академии они могут реализовать себя как меж- и наддисциплинарное сообщество, которое способно дать нетрадиционное решение ключевых проблем страны. Пример... проблема Арктики. Речь (на Общем собрании РАН) шла об одной из ключевых задач для будущего страны... с позиции фундаментальной и прикладной науки, естественно-научных и гуманитарных дисциплин. Поэтому государству не просто следует вести диалог... с РАН, а опираться на ее экспертное мнение. Это требует усилий и со стороны Академии

Комментарий Н.Л. Добрецова

Спасибо за «высокую концентрацию интеллекта в академическом сообществе». Остальное выглядит как поучение РАН с долей иронии или непонимания. Конечно, Академия наук должна заниматься экспертной работой, и всегда ею занималась (700 обращений в РАН только в 2014 г.). Обсуждение крупных проблем на декабрьских общих собраниях РАН регулярно проходили. Вероятно, и то и другое полезно поднять на более высокий уровень.

Но ведь ученые РАН — это, прежде всего, исследователи, сделавшие «выдающийся вклад в науку» (по Уставу РАН) во время работы в институтах РАН. И ученые РАН, объединенные в отделения (тематические и региональные), и система институтов РАН — были единой системой. А сейчас она разорвана или как минимум — существенно деформирована. Главной проблемой является то, что «граница компетенций между Академией и ФАНО законодательно не установлена, поэтому сильно размыта и легко деформируется. Центр компетенции находится в одном месте — в Академии наук, а центр управления — в другом, в ФАНО. Из теории управления следует, что это ведет к неустойчивости и в результате — к аварии, когда Академия превратится в клуб ученых, а ФАНО — еще в одну параллельную (и не эффективную) Академию наук». Об этом говорил не только В.Е. Фортков (8.12.2014 г.), но очень многие ученые РАН, и не только говорили, но писали, обращались. Первым же об этом четко сказал еще год назад академик Е.М. Примаков, исходя из своего опыта ученого, бывшего разведчика и премьер-министра РФ.

Вопрос: Вы ясно охарактеризовали программный диалог государства с академиками, избранными за научные достижения или за умение удачно распорядиться административным капиталом (*ядовитое замечание, но не по существу.* — Н.Л. Добрецов). Но каково место в этом научном диалоге у ученого из поколения 40-летних?... 10—15 лет назад ожидание научного прорыва связывали не с директивным определением приоритетных сфер, а с поддержкой точек роста, спонтанно складывающихся в научной среде.

А.А. Фурсенко: ...Потенциальных возможностей для реализации такого подхода стало даже больше. Сегодня, когда в РАН разделены экспертная и управленческая функции, гораздо больше возможностей предоставлено институтам. Уровень принятия решений по научным вопросам приблизился к исследователю.

Во всех формальных вопросах реализации исследований есть две стороны — ФАНО и институт, при наличии обязательной экспертизы со стороны РАН. ФАНО взаимодействует с РАН, которая осуществляет экспертизу и участвует в формировании госзадания. Но ученый и институт при решении текущих вопросов могут и не слушать РАН (Президиум РАН), поскольку за выполнение научных задач ответственность перед государством несут именно они. И за качество исследований отвечают они, а не ФАНО и не РАН.

...Во главе научного института стоит директор. Он следует правилам формирования госзадания, которое создается с участием РАН и по публичным правилам... Никакой директор или академик не может просто навязать свой интерес как приоритетный. ...Ему дано право отстаивать свою позицию, но делать это не в рамках отделения РАН, а публично. Сегодня имеется специальный информационный ресурс (информационная система госзаданий ФАНО), где видно, как это происходит.

Очевидно, что к ФАНО, как хозяйственной организации, тоже возникают определенные претензии и обиды, в том числе из-за роста бюрократии. Однако теперь все они должны решаться в рамках ясно обозначенных правил... В любом случае это уже правила, а не понятия. Понятия преодолеть невозможно, потому что они могут измениться в секунду.

Комментарий Н.Л. Добрецова

Очень важная цепочка РАН—ФАНО—институт—исследователь комментируется неточно и с умолчаниями. Раньше, в предыдущей системе РАН—институт—исследователь, планы, отчеты, проверка институтов (организуемые отделениями РАН) рассматривались публично на заседаниях специализированных тематических отделений, где присутствовали директор, представители институтов, эксперты-ученые, знающие предмет и знакомые, как правило, лично с институтами и решаемыми задачами. Решения отделений (ОУС в региональных отделениях) не являлись окончательными и рассматривались также на президиумах региональных отделений и в необходимых случаях — на Президиуме РАН; директор и представители институтов входили в состав общих собраний отделений и Общего собрания РАН. Теперь директор и представители институтов (исследователи) не входят ни в состав общих собраний, ни в состав Научно-координационного совета, который по определению гораздо менее представительный, чем 18 отделений и Президиум РАН.

Участие тематических отделений (и ОУС региональных отделений) предусмотрено легко изменяемыми (за сутки) регламентами, предусмотренными в соглашении между ФАНО и РАН, а не Законом или Уставом РАН, утверждаемыми Правительством. Появилось важнейшее регулирующее звено — ФАНО, которое принимает окончательное решение, несмотря на замечания ученых и структур РАН. Это все равно, что окончательное решение об итогах исследовательской работы в институте принимает главный бухгалтер института.

Так что декларируемые публичность и допустимость исследователя к принятию решений при новой системе с ФАНО — скорее стремление выдать желаемое за действительное. Новый элемент публичности — Информационная система ФАНО с паролями, но такая система с паролями (для академических проверок институтов) уже была создана в РАН до ФАНО, а сами госзадания и финансирование, как система субсидий по госзаказам, были инициированы РАН до принятия Закона ФЗ-253.

Вопрос: Есть ли альтернативные площадки для диалога и поддержки инициативных проектов?

А.А. Фурсенко: Есть площадки... ФАНО провело уже ряд сессий с учеными в разных регионах, куда привлекается не только Президиум, но и «средний» класс науки. Идет активный диалог с молодыми специалистами и учеными. Глава ФАНО М.М. Котюков провел серию встреч и создал площадку по работе с молодыми учеными.

Конечно, эта система могла бы работать (*и работала!* — Н.Л. Добрецов) и в старой РАН, но система связей в ней устоявшаяся: Академия взрослела и старела вместе со своими членами, и все эти связи было тяжело обойти. Когда возникает новая система, для человека творческого есть возможность предложить свое решение в рамках существующих и вновь возникающих правил.

Это же касается и институтов, которые прежде работали в очень жесткой иерархической структуре. Сегодня взять на себя ответственность стало чуть проще. Изменилась система выбора руководителей институтов.

...Созданы фильтры, которые оценивают способность кандидатов к управлению институтами. И если эти уважаемые органы решают, что человек в принципе не может быть директором института, то в рамках обсуждения его кандидатура может быть снята. В любом случае окончательное решение принимает институт. И ФАНО лишь оформляет это решение... В нынешнем варианте решение принимается коллективом института, а не иерархической структурой Академии.

Вопрос: Может ли коллектив института, не согласный с действиями дирекции, разрешить несогласие процедурно, обратиться куда-либо за арбитражем?

А.А. Фурсенко: Чтобы координировать отношения РАН и ФАНО, создан Научно-координационный совет при ФАНО. В него вошли ученые, представляющие ведущие научные центры России и основные направления науки. Это постоянно действующий совещательный орган, который призван обеспечить согласование позиций РАН и ФАНО по всем основным вопросам. Я думаю, что лучший арбитраж для коллектива, не согласного с решениями администрации, трудно сейчас придумать. Хотя с развитием новой системы управления институтами возможно будут появляться и более совершенные модели.

Вопрос: Крайне интересно узнать, как государство может вносить свой вклад в интеллектуальную регуляцию науки, т.е. в то, чтобы в научной среде преимущество получили не обладатели ставок на административную карьеру, а носители интеллектуальных проектов?

А.А. Фурсенко: На нынешнем этапе это вопрос ручного управления. Должна возникнуть критическая масса референтных людей, прежде чем система зара-

ботает сама. Кстати, в советское время академическое сообщество как раз и составляло такую критическую массу уважаемых экспертов. Сегодня это не всегда так. Поэтому общая задача — набор первичных требований.

...Интеллектуальное регулирование начнет опережать административное при условии, что ученый больше начнет дорожить своей репутацией. Это понятие надо усиливать, сделать так, чтобы оно начало работать. Человек должен понимать, что это дорого стоит, что нельзя этим рисковать. И такое понимание касается всех аспектов, в том числе житейских. Сюда же примыкает вопрос об ответственности, в том числе за объективность научной экспертизы и готовность дать негативную оценку плохому проекту. В целом, элита — это люди, которые должны думать о репутации просто потому, что они несут ответственность за глобальную систему в целом.

Комментарий Н.Л. Добрецова (завершающий)

Мы не привели часть вопросов и ответов, прямо не касающихся главной проблемы — роли академической науки и реформирования РАН, и немного сократили вопросы и ответы.

Последние три вопроса и приведенные ответы на них особенных комментариев не требуют, хотя они тоже содержат спорные моменты. Выделим только последний аспект, затронутый А.А. Фурсенко — дорожить репутацией и быть ответственным в своих заключениях. Мне кажется, этими качествами обладает любой настоящий ученый, поскольку это воспитывается всем ходом научного исследования.

Кто же является настоящим ученым? Как правило, научное сообщество об этом хорошо знает по публикациям, цитированиям, международным премиям, результатам выборов, свободным дискуссиям и т.д.

Вопрос: В ситуации перманентной реформы ученым важно понимать, чего ожидать в ближайший год...

А.А. Фурсенко: Мы обсудили несколько критически важных вопросов: выбор приоритетов, структуризацию научной сферы, эффективность инструментов в области инноваций... Нужно, чтобы эти инструменты заработали более эффективно. Как бы ни критиковали реформу, она все-таки всколыхнула академическое сообщество. Возник целый ряд новых предложений снизу: по изменению структуры академического сектора, например, по аналогии с научными сообществами Германии. На сегодня это очень важная работа, вдохновившая людей на движение. Если она будет жестко бюрократизирована, неважно в каких структурах, это будет архивредно и непорядочно по отношению к людям...